

ЛЕОНИД
ЗОРИН

ПЕРЕКРЕСТОК

(Варшавская мелодия-97)

aegitas

Леонид Зорин

**Перекресток (Варшавская
мелодия – 97)**

«Aegitas»

1967

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Зорин Л. Г.

Перекресток (Варшавская мелодия – 97) / Л. Г. Зорин —
«Aegitas», 1967

ISBN 978-0-36-940756-6

Завершение истории, рассказанной в «Варшавской мелодии». Он и Она спустя тридцать лет случайно встречаются в аэропорту европейского курорта, но Он не узнает Ее... Или не хочет узнавать. Последняя встреча «не состоялась», возможно, потому, что она уже ничего не изменит, если не смогли ничего изменить те, предыдущие. Ведь если героев «Варшавской мелодии» разделяли границы государств, но объединяло неугасающее чувство, то персонажи «Перекрестка» друг от друга безнадежно далеки, поскольку между ними существуют уже не внешние границы, а тот внутренний барьер, который оказывается непреодолимым.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-36-940756-6

© Зорин Л. Г., 1967
© Aegitas, 1967

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Леонид Зорин
Перекресток. Варшавская мелодия-97

aegitas

© Леонид Зорин

© Aegitas publishing house, 2022

1

Уголок комфортабельного аэропорта курортного европейского города. Периодически включается радио, передающее номера рейсов. После каждого объявления звучат мелодии – то одна, то другая. Два кресла. В одном из них – человек лет семидесяти. Лицо насупившееся, нахмуренное. У кресла – сумка и чемодан.

Появляется старая худощавая дама, в больших очках с затемненными стеклами, также – с сумкой и небольшим чемоданчиком. Остановившись, разглядывает сидящего. Потом – решительно к нему приближается.

Она. Вуд ю аллоу ми ту тейк плейс ниар го?

Он. Я говорю только по-русски.

Она. Так. И я говорю по-русски. Это значительно все упрощает. Я спрашивала: у вас нет возражений, если я сяду рядом с вами?

Он. Нет у меня возражений. Прошу вас.

Она. Я думала, это кресло занято. Ваша супруга могла отойти.

Он. Нет, я один и кресло свободно.

Она. Благодарю вас за ваше радушие.

Он. Я – не хозяин. Я тоже гость.

Она. Все мы гости на этой земле. Вы выбрали уединенное место.

Он. Меньше шума.

Она. Вы ищете изоляции?

Он. В этом раю слишком много народу. И все толпятся на пяточке.

Она. Это весьма популярный рай.

Он. Жарко и душно. Даже на пляже. Я ведь и сам из южного города, но здесь слишком солнечно. Все слишком щедро.

Она. Но вы отсюда летите в Москву?

Он. Сначала в Москву. Из нее – домой. Сверим часы?

Она. Сейчас четверть пятого. У вас утомительный маршрут.

Он. Что делать...

Она. Еще одно испытание. Надеюсь, оно будет последним.

Он. Зато сейчас мне очень приятно. Когда вы обратились ко мне по-английски, я и предположить не мог, что вдруг услышу родную речь.

Она. Я просто проверяла себя. Я сразу поняла, что вы русский.

Он. Даже сразу?

Она. У меня есть жизненный опыт.

Он. Написано на моем лице?

Она. В какой-то степени. Я – варшавянка, но ваше славянство проявлено резко, мое же мягче, не так рельефно, как ваше. Полякам изначально присуща неопределенность расовой принадлежности.

Он. Возможно. И эта неопределенность определено вам по душе.

Она. Пан это где-нибудь прочел или это его собственный вывод?

Он. У пана тоже есть жизненный опыт.

Она. Нисколько в этом не сомневаюсь.

Он. Когда я был молод, очень молод, одна милая девушка, представляясь, сказала мне: "Я из братской Польши".

Она. Действительно мило с ее стороны.

Он. Мы были тогда одна семья.

Она. Не знаю, большая ли это радость? Нигде так не ссорятся, как в семье. Всегда напряженная атмосфера.

Он. Вы сделали тонкое наблюдение.

Она. Это не я. Это грек Аристотель. Он заметил, что самые бурные драмы происходят среди своих. Через две с половиной тысячи лет еще ничего не изменилось.

Он. На досуге читаете Аристотеля?

Она. Когда-то я сдавала экзамен. Я так волновалась, что запомнила эти слова на всю свою жизнь.

Он. Стресс был на пользу.

Она. И вы запомнили, как вам представилась польская девушка. Наверно, вы тоже тогда волновались.

Он. Наверно. В конце концов, не всегда я был таким старым мухомором. Физиономия еще не смахивала на карту пересеченной местности. И голос тоже еще не скрипел, как половица.

Она. Остановитесь. Не надо так о себе говорить. Надо бодриться и хо-ро-хо-риться. Обращаться со временем вызывающе.

Он. Вы здорово говорите по-русски.

Она. Люди моего поколения, мои земляки, говорят по-русски. Нас выучили. Хотя мы и были не слишком примерными учениками.

Он. В этом сладком местечке я провел две недели. И редко слышал русское слово.

Она. В самом деле?

Он. Мне всегда демонстрировали – особенно молодые люди – что не знают русского языка.

Она. Наконец-то попалась вам старая дама. В последний день вам повезло.

Он. Бесспорно. А вообще – я привык. Когда мне было с кем говорить, не очень тянуло. Теперь – и не с кем.

Она. Пан одинок?

Он. Живу один. Вдовею. У сына – своя семья. Он занят. Жена его занята. Все теперь заняты. Скажешь внучке: "Зашла бы, выпьем с тобой чайку". А сам понимаешь: очень ей нужен твой чаек...

Она. Но есть от них помощь? Как вы справляетесь с вашим бытом?

Он. Раз в неделю заходит женщина. А вообще я – самостоятелен. Все-таки солдатская школа.

Она. При восточном социализме мы имели возможность расслабиться. Поэтому все слегка растерялись.

Он. Возможно. Я никогда не лентяйничал. И все работаю. Как заведенный. Но есть невидимая черта. Однажды переступишь ее, и в жизни решительно все меняется. Уже ничего не происходит.

Она. Врачи говорят, что это полезно. Крайне способствует долголетию.

Он. Допустим. Но к чему долголетие, когда ничего не происходит?

Она. Пан позволит спросить, чем он занимается?

Он. Я – винодел. Но в последнее время – не делаю, а учу, как делать.

Она. У вас романтическая профессия.

Он. Профессия не хуже других. Однако не настолько доходная, чтобы раскатывать по курортам.

Она. И все же – вы здесь.

Он. Мое начальство мне подарило эту поездку по случаю моего юбилея.

Она. Так пан – юбиляр? Мои поздравления.

Он. Спасибо. Это был хмурый праздник.

Она. Не придавайте ему значения. Возьмите и скажите себе – как это говорят в России – "я еще наломаю дров".

Он. Ничего я уже не наломаю. Разве только – шейку бедра.

Она. Стоп! Только без дурных предсказаний. У мрачных мыслей – ужасное свойство. Они становятся материальны. Я постоянно себе говорю: моя дорогая, только подумай, двадцатый век уже умирает, а ты все жива. Ты с ним совладала. Ты очень везучая, моя дорогая. Меж тем у меня нет даже внучки. Правда, взамен я имею племянницу. Я способствую – и очень способствую – ее повседневному благополучию, и она мне оказывает знаки внимания. При первой возможности организует какой-нибудь отдых в другой стране, или какое-нибудь путешествие. Мне надо следить за своим здоровьем, иметь эти... свежие впечатления. Мне, наконец, необходимо остаться с собою наедине.

Он. Очень заботливо и благородно.

Она. Как быть? Чтобы новое поколение нас, но крайней мере, терпело, мы должны соответствовать трем условиям: не мозолить собою глаза, помалкивать, если же заговариваем, должны выражать свое восхищение молодыми хозяевами положения – их достижениями, их современностью, их интеллектом и великодушием. При соблюдении этих правил мы можем рассчитывать на благосклонность.

Он. Вы даже не знаете, как вы правы!

Она. Откуда мне знать, но я догадываюсь. Однако с моим язычком затруднительно быть незаметной и бархатистой. И, очевидно, своей племяннице я иногда немного мешаю. Конечно, она горячо меня любит, и, все же, еще горячее – мужчин. К несчастью, без особой взаимности.

Он. Но это вина мужчин, а не ваша.

Она. Она полагает, что я ее сковываю и не даю ей раскрыть до конца богатство ее индивидуальности. Вот я и странствую в этом мире. То я еду смотреть на пальмы, то отправляюсь в какой-нибудь тур.

Он. Та милая девушка из братской Польши, когда мы познакомились, сказала: "Я – богатая дама, совершающая кругосветный тур".

Она. Скажи-ка! Это на вас подействовало?

Он. Она была беднее меня. Училась в нашей консерватории, жила в общежитии. На вас непохожа.

Она. Наверно. Я старше на два-три тура.

Он. Я говорю сейчас о другом. То, что вы – богатая дама, видно сразу же. С первого взгляда.

Она. Я – умеренно богатая дама. Не банкирша и не вдова банкира. Я зарабатываю свои деньги не самыми прибыльными занятиями.

Он. Какими же, если это не тайна?

Она. Тайны в них нет. Но вообще-то... я их не слишком афиширую. Допустим, что я получила имя как автор криминальных романов.

Он. Вы сочиняете детективы?

Она. Быть может. И об этом умалчиваю, чтобы не создавать при общении ненужной никому напряженности, а также некоторой искусственности. Вас устраивает такой вариант?

Он. Вполне. Спасибо за откровенность.

Она. Раз неизбежно объявят посадку, на ваш или на мой самолет, можно ее себе позволить.

Он. У случайных встреч – свои преимущества.

Она. Бесспорно. Но с вашего разрешения я все же не буду себя называть.

Он. Как знаете. Так значит, вы пишете о всяких загадочных преступлениях. В жизни бы этого не подумал!

Она. Но почему? Я совсем не больна женским шовинизмом, столь модным, но старые дамы, вроде меня, изготавливают эту продукцию с особым успехом. Тому есть причины. Это какая-то компенсация за рутину каждодневной жизни. Глядя на тех, кто тебя окружает, только и остается придумывать все эти страсти и авантюры.

Он. Знаете, и у нашего брата жизнь не больно разнообразная. День да ночь – сутки прочь. И весь колленкор. В России, говорят, не соскучишься, но в старости нет новостей, только страхи. Честно сказать, я почти не читаю. Даже газет. Обхожусь телевизором. Но детективы – другое дело. Действительно, в них какой-то нерв. А все-таки смотришь на вас и не связывается! Вы – и убийцы! Вы – и трупы...

Она. Пан очень любезен. Да, в самом деле – такая изысканная матрона проводит время бог знает с кем! С подонками! С отбросами общества! Кстати, подобное несоответствие и объясняет суть детектива. Люди совсем не таковы, какими кажутся при знакомстве. Но, чтоб не шокировать вас до конца, скажу, что все не так беспросветно. Я вношу в эти ужасы известный комизм. Это такой... полицейский юмор.

Он. Странный гибрид.

Она. Пан так считает? Тут нет ничего противоестественного. Грек Аристотель, из-за которого я на экзамене так перенервничала, сказал о том, как смешно безобразное. Важно и то, что преступления расследует почтенная дама, просто-напросто – мой двойник. Здравый смысл, ирония, самоирония. Все эти качества ей помогают.

Он. И как она доходит до истины?

Она. Ну, например, такой сюжет. Представьте супружескую пару. Оба уже пожилые люди. Вместе живут десятки лет. И вот жена убивает мужа.

Он. Начало веселое.

Она. Это финал. Ведь нужно сперва понять – кто убийца. Жена оказалась неглупой женщиной и все продумала основательно. Чтобы избежать подозрений, она убила его не дома. А это было сложно устроить. Он никуда не выходил.

Он. Зачем ей было его убивать?

Она. А он ей надоел. Опостылел. Сумрачный, тяжелый характер. Педант. Неизменно – одно и то же. Все – по минутам и все – по местам.

Он. Уйди от него – и дело с концом.

Она. Не все так просто. Тут есть проблемы. Во-первых, ее нигде не ждут, а во-вторых – она привыкла. К своей обстановке, к старым стенам. Во все это вложено столько труда! Начать все снова? Уже нет сил. И ничего не остается, кроме того, чтоб его убить. В сущности, у нее нет выбора.

Он. Вы, что же, действительно так считаете?

Она. Нет, у меня не хватило бы пороха. Но, конечно же, я ее понимаю. Я обязана понимать поступки и чувства каждого персонажа. Иначе я их не напишу.

Он. Это и есть полицейский юмор?

Она. Само собой, здесь важна интонация. Всю эту грустную историю надо рассказывать легкомысленно. Ирония – великое дело, с ней можно проскочить через драму. Представьте себе, что это пародия. Пародия на серьезную книгу, пародия на страсть, на любовь. На семейную жизнь. И просто – на жизнь. Жизнь тоже пародия. На надежду. Разве же все это не смешно? Двое людей любили друг друга, и вот – друг друга возненавидели.

Он. Очень, очень смешно. Обхохочешься.

Она. Однако вернемся к бедной жене. Муж, как я вам уже сообщила, принципиальный домосед. Из дома его невозможно выманить. И вот однажды его находят на перекрестке. Естественно – труп. Все думают – работа бандита. И только моя почтенная дама, расследующая этот кошмар, сумела понять, что дело нечисто. Она спросила себя, почему он оказался на том перекрестке? И выяснила, что это местечко многое значило в его жизни. Он там впервые назначил

свидание той, что решила его прикончить. Супруга сыграла на тайной струнке. Назначила ему там место встречи.

Он. Действительно, роковой перекресток!

Она. Обычный варшавский перекресток. Но ведь у каждого есть такой. Я не права? Или пан запомнил?

Заговорило радио. Потом почти сразу звучит мелодия.

Он (помолчав). Что там объявили по радио? Противно, когда ты не понимаешь.

Она. Не беспокойтесь. Это – не вам.

Он. Знаете, я всегда удивлялся: что это старики паникуют? Все им кажется, что они опаздывают, что-то не поняли, что-то напутали. И вот – пожалуйста – сам такой.

Она. Когда остается немного времени, боишься и опоздать и напутать.

Он. Где вы любите сидеть в самолете?

Она. У окошка. Хотя бы краткий срок чувствуешь себя отгороженной от человечества.

Он. А я – на проходе.

Она. Легче разглядывать стюардесс.

Он. Легче подняться, вот и все. Что-то не сидится на месте. Я же сказал вам – стал беспокойен.

Она. Вы еще будете небожителем. Уже через какой-нибудь час.

Он. Уже через какой-нибудь год.

Она. Опять зловещие предсказания! Напоминаю— это опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.